

О.Г. Ягинцева

Тартуская высшая школа здравоохранения, Эстония

К ЭТИМОЛОГИИ ДИАЛЕКТНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ТАРАБАРКА

Однозначной этимологии у сущ. *тарабарка* нет. Для того чтобы внести некоторую ясность, в статье рассматривается редупликация как один из наиболее продуктивных способов формо- и словообразования в различных языках. Приводится список древних лексем, являющихся широко распространенными образованиями.

Мы подробно разобрали историю слова *тарабарка*, вследствие чего пришли к выводу, что в его составе возможен семантический повтор двух синонимичных корней, связанных со звукоподражанием. Для достижения своей цели (выяснить происхождение заявленной в заглавии лексемы) мы рассматривали сущ. *тарабарка* с точки зрения семантики, словообразования и фонетики.

Несомненно, проделанная работа представляет практическое значение в первую очередь для этимологов, которые, опираясь на выводы, быть может, смогут использовать эту информацию в своих дальнейших исследованиях, дополняя или оспаривая ее. Кроме того, поскольку в статье рассмотрена совокупность лексем, образованных при помощи редупликации, будущее поколение сможет черпать из статьи информацию и на эту тему.

Этимология, тарабарка, редупликация, семантический и фонетический анализы.

Редупликация является одним из продуктивных способов формо- и словообразования в различных языках. В истории языка и в его современном развитии также представлен довольно широко способ семантического повтора. В лексической сфере редупликация и повтор используются для создания новых слов.

Распространенность и частотность редупликации варьируется от языка к языку. В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью. Эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации.

Данная статья посвящена отражению редупликации и семантического повтора в названиях бытовых терминов. Такие названия встречаются во многих русских диалектах.

Большой материал о редупликации в различных языках мира представлен в работе Ф.Р. Минлоса [8]. Там же встречаются примеры редупликации и повтора при образовании терминов с бытовым значением, напр.: узб. *идиш-оёк* (букв. «сосуд-чаша»), *козонтювок* (букв. «котел-глубокая глиняная чашка») «посуда (разного рода)»; пример из языка идиш: *gopl-lefl* «столовые приборы» (букв. «вилка-ложка»). Следует упомянуть также диал. новос. *шура-мура* «ненужные вещи, хлам» (Там же, с. 19, 59, 67).

В основе образования многих бытовых терминов в русских говорах может лежать семантический повтор или редупликация. Учитывая активность семантического повтора, мы можем предложить правдоподобное объяснение происхождения сущ. *талаболка* «глиняный ручкоушник», до сих пор не имеющего этимологии [19, т. IV, с. 14]. Отчетливо виден

семантический повтор: корень *тал-* со значением говорения (ср. *талала* «тот, кто шепелявит», *талалакать* «говорить неясно») и корень *бол-* (ср. *балаболить*). Значение «глиняный ручкоушник» можно объяснить по-разному. Во-первых, следуя за Ф.Р. Минлосом, который приводит слова с семантикой «ненужные вещи», можно отнести и данный предмет к разряду не очень нужных в доме вещей. А во-вторых, при пользовании ручкоушником неизбежно раздаются звуки. Таким образом, второе предположение заключается в том, что ручкоушник получил свое название по звуковому проявлению в ходе использования (гремит). Интересно, что существует и слово *толоболка* «пирог из ржаной муки с горохом» (Там же, с. 72). Оно имеет ту же этимологию, внутреннюю форму, состоит из двух корней со звукоподражательным значением. Семантику объяснить сложнее. Ее можно истолковать так: дешевая, малоценная вещь.

Сущ. *тарабарка* встречается в донских говорах русского языка:

1) «деревянная решетка»:

[*Тарабарки – щитки испланок, штоп неправаливалась салома*];

2) «таган»:

[*Раньше называли тарабарки, а сычас тринога*] [14, т. III, с. 153].

М. Фасмер констатирует тот факт, что ясность относительно этимологии этой лексемы еще не достигнута. Он определяет слово в разряд «темных» слов [19, т. IV, с. 20]. Трудность этимологизации данного существительного заключается в том, что мы не располагаем никакими сведениями о его истории и бытовании (кроме того факта, что в донском говоре слово имеет еще одно значение «перекладина в стенке арбы»). Обращение к другим словарям позволило нам собрать

некоторый материал, хотя бы косвенно способствующий прояснению этимологии данной лексемы.

Внешняя форма слова напоминает ряд лексем, обозначающих 'пустое говорение'. В некоторых словах налицо семантический повтор: два синонимичных корня, связанных со звукоподражанием, повторяются для усиления значения семантики. Например:

тарабар 'говорун, болтун':

Он оказался очень живым, веселым и необыкновенно разговорчивым человеком и дал мне из своего обращения понять, почему его прозвали Тарабаром;

тарабарить 'заниматься пустыми разговорами, болтать':

– *Как! – вскричал Иван Петрович, – человек гибнет, а вы тут тарабарите да суежитесь без толку. Два молодчика пьют, они пьют и тарабарят про женитьбу про свою* [17, т. XV, с. 109];

тарабарить 'говорить, беседовать, болтать; говорить резко и быстро, тараторить', *тары-бары, тарабары, тарыбары* 'болтовня, беседа', *тарабар* 'говорун, шутник, краснбай; пустой болтун', укр. *тарибари* – то же, *тарабарщина* 'бестолковщина, непонятный, бессмысленный разговор, распоряженье, вести; неразборчивое письмо' [3, т. IV, с. 643];

тарабарить 'болтать', *табарить* 'болтать', *таракать, тараракать* 'болтать';

тарабарщина 'что-либо сказанное или написанное на непонятном языке, наречии':

– *Расскажи-ка, любезный, что изображается на этой картинке и что за тарабарщина написана под нею?*;

'что-либо непонятное, бессмысленное':

Некоторые термины, которые нам, старикам, с первого раза понятны, им покажутся тарабарщиной [17, т. XV, с. 111].

Возможно, этот лексический материал происходит от рифмованного образования *тары-бары*. В этом случае первоначальная внутренняя форма основана на комизме.

Хотя Ж.Ж. Варбот считает, что для *тара-* объяснение из звукоподражания или глагола говорения слишком поверхностно: семантика глаголов типа рус. диал. *торить* 'повторять одно и то же', чеш. *tárati* 'болтать; бесцельно бродить' показывает вторичность значения 'говорить'. Особенно существенны образования от корня **ter-*, обозначающие отходы. Для *тара-* реконструируется первичное значение '*ободранное, обмолоченное', для *-бара* – '*отнесенное, отброшенное'; для *тары-бары* – '*отходы производства' [2, с. 38].

Помимо этого, приведем примеры, когда подобные по образованию слова с корнем *тара-* имеют значение 'чепуха, пустое говорение':

тараторка 'чапушка':

[Деўки, идици к сусетки, анна вам многа бравых тараторак напаёт, чапушык разных, а можыт, ишо чаво збрихаить] [11, с. 467];

таракать 'разговаривать, болтать':

Две старухи сошлись и таракуют: девка, иди к нам потаракать;

тарантуха 'говорунья, болтунья':

Мнук молчаливый, не как бабушка – тарантуха [13, с. 63];

тарадайка 'болтушка, тараторка':

Всё не спишь, тарадайка ты этакая [12, с. 532];

тарабонить 'болтать попусту, пустословить':

[Хто-небудь придет, тарабонит, тарабонит, вот уши памярки забил] [1, с. 524].

Слова с корнем *бара-* и похожей структурой также имеют значение 'чепуха, пустое говорение':

словен. *bārati* 'спрашивать'; *bārli* 'шутка', болг. диал. *барам* 'спрашиваю', польск. *baraszki* 'шутки, проделки', *barłożyc* 'болтать' и др. [7, с. 60];

барабара 'чепуха, вздор', *барабарить* 'тараторить'; *барабошить* 'вести себя беспокойно, болтать вздор' [17, т. I, с. 272];

барабара 'шалаш в поле; хижина из жердей; жилище бобров'¹, *барабарить* 'без умолку, быстро говорить, болтать, тараторить'; *барабать* 'говорить без смысла' [15, т. II, с. 99];

барабня 'болтун, пустомеля':

От такой барабни ничего путного не узнаешь;

бараболка 'пустая и глупая женщина'; *барабонить* 'говорить вздор'; *барабор* 'болтун';

бараборить 'болтать вздор'; *барабоха* 'сварливый человек, болтун, пустомеля';

барабоша 'тот, кто постоянно бормочет':

Барабоша ты, говоришь, что к носу пришло;

барабошить 'говорить вздор' (Там же, с. 101);

барабошка 'чапушка'; *барабошь* 'вздор, пустяк, бестолочь, чушь, дичь'; *барабун* 'болтун, хвастун';

барабуша 'словоохотливый человек, плохо, бестолково излагающий свои мысли':

Пошел барабуша – ничего не поймешь! (Там же, с. 102);

барамошить 'бормотать, лепетать' (Там же, с. 103);

барабаться 'перебиваться мелкой работой':

[Вот барабаешься, пока можэши];

барабола, барабоха, барабоша, барабуха, барабуша 'болтливый человек, пустомеля':

[Анна такая барабоха, што барабан, цэлый день гаманить. Барабоха и баба и мужык, каво ты барабошыи? Матка ейня барабоха. Барабоха у нас такой Вася. Он фсё любит пабалтать. Эту барабуху послушать, так уши забалая. Барабуха языком балтая многа, хвастая, многа гаварит, а толку мала. Он такой барабуша, фсё попусту гаварит, слушать надаела];

барабошить 'говорить вздор, болтать':

[Барабошыт многа, а парядачнава не аднаво слова] [10, т. I, с. 110].

Имеются и сходные исторические данные: *барабошить* 'шуметь, буяннить':

Перестань барабошить. Он час отчасу более бурлит и барабошить стал, и схватя палку, за людьми гоняться [16, т. I, с. 140].

М. Фасмер в статье *тороторить* указывает на похожие звукоподражания у Н.В. Гоголя, но не дает прямого объяснения происхождения слова: «*Тараторить, таратора* 'болтун', блр. *тараторыць*, цслав. *трѣторь* 'sonus', сербохорв. *trptocити* 'быстро трещать, болтать', словен. *trtráti, trtrám* 'шуметь, бормотать', чеш. *trátořiti* 'много болтать', словц. *trátoriti*': праслав. **tortoriti*, редулицированное образование, ср. лит. *tar̃ti, tariù* 'говорю', др.-прусс. *tārin*

¹ Отметим предметное значение слова.

‘голос’, лтш. *târlât* ‘болтать, нести чушь’, *terêt, teñelêt* ‘болтать’ (**teterêt*), греч. *τετοφῆσω* ‘произнесу громко и отчетливо’, др.-инд. *tārás* ‘резкий, пронзительный’. Ср. звукоподражания у Гоголя: *Тара, тара! тарата татата*, а также рус. *тарару́й* ‘болтун’, *тараруса*, *тара́ца* – то же, далее укр. *теркотати* ‘гремять’, *терликати* ‘щебетать» [19, т. IV, с. 86–87].

Более решительно поступает П.Я. Черных. В статье *тараторить* указывается: «*Тараторить* ‘говорить быстро, много, громко о чем-либо незначительном’; ‘без умолку громко болтать’. В окающих говорах *тороторить*, *торотора*. Ср. слов. *trátorit* ‘много говорить’. В других славянских языках отсутствует. Несмотря на сравнительно позднее отражение в памятниках письменности, слова этой группы восходят к о.-слав. **tortor-*, представляющим собою удвоенный индоевропейский корень **tor-* ‘громкий, внятный’. Лит. *tarūti* > *tarīti* ‘произнести, выговорить, сказать’, греч. *τορος* ‘пронзительный’, др.-инд. *tārá-* ‘громкий’, хет. *tar* ‘говорить, называть» [18, т. II, с. 229].

Слова подобного типа (с удвоением, редупликацией) являются очень древними и широко распространенными образованиями. Хеттские параллели к славянским структурам такого рода находим у Вяч. Вс. Иванова. Напр., хет. *galgal-*, др.-инд. *gargar-* по своей структуре в точности соответствует о.-слав. **golgol-*. Редупликация встречается также в хет. *ḫaḫḫarš* – ‘хихотать’, *taštašiya-* ‘шептать’, греч. *βαβαρ* – ‘говорить’. Хет. *pariprai-* ‘дуть’, по форме близкое к древнеиндийским редуплицированным глаголам типа вед. *saniṣvanat* ‘звучит’, представляет собой удвоение к *parai-* ‘дуть, раздувать’, также ‘дуть в рог’, ср. греч. гом. *Ἰπρηθου*, аггич. *πίπτρημι*, др.-инд. *prāna* ‘дыхание, жизненное дуновение’ [4, с. 105, 107]. Все это глаголы со значением звукового проявления.

И для о.-слав. **tor-toriti* обнаруживается соответствие в анатолийском, ср. лув. *tatariya-* ‘проклясть’, *tatariyaman* ‘проклятие’; иер. лув. *tatar(i)a-*, лид. *tatro* ‘приказывать’. Как предполагает Вяч. Вс. Иванов, удвоение от **tor-* могло быть представлено в дописьменный период и в хеттском языке (Там же, с. 106).

Сама по себе редупликация встречается и в глаголах другой семантики. Бегло коснемся некоторых из них: ср. рус.-цслав. *плаполати* и *попырскать*. В церковнославянском глаголе *плаполати* ‘гореть’ мы имеем редуплицированную основу **pol-pol-a-ti*. Редупликация носит экспрессивный характер, чем хорошо объясняется и отклонение в глагольном вокализме: не основной гласный *-e-*, а именной и перфектный гласный *-o-* [5, с. 40]. *Попырскать* ‘поплакать; попрыскать’ родственно *порскать*, *порох*. К значению см. инославянские соответствия [19, т. III, с. 333–334]: укр. *порс(ь)кати* ‘брызгать’, блр. *порскаць* ‘фыркать; чихать; хихикать’, сербохорв. *прскати* ‘брызгать’, словен. *prškati*, чеш. *prskati* ‘брызгать, прыскать; фыркать’, слов. *prskat* ‘брызгаться; сопеть; фыркать’. Древний корень с рефлексам в др.-инд. *prśan-* ‘пестрый, пятнистый’, лит. *puřslos* ‘брызги изо рта’, лтш. *pārsla* ‘снежинка, ледяная игла; также о хлопьях пепла, шерсти’, др.-исл. *fors* ‘водопад’, хет. *papparš* – ‘брызгать, опрыскивать’ и др., см. (Там же, с. 332–

333, на *порох*). Если *no-* в русском слове не приставка, а сохранение индоевропейской редупликации (см. хет. пример; аналогично *тараторить*), то слово в таком виде имеет возраст как минимум 3500 лет [6, с. 139–140].

Однако наибольшую популярность приобрели подобные образования именно со значением звукового проявления. К буквальным повторам в ходе развития языка присоединились повторы семантические. Выше были приведены примеры, к которым можно добавить имеющиеся в псковских говорах сходные значения *балабать*, *балаболить*, *балабонить*, *балакать*, *балахорить*, *балбениить*, *балботать*, *балмотать*, *барабанить*, *барабошничать*, *барахлистить*, *барахлить*, *барахолить*, *бахорить*, *шалаболить* и т.д. Ср. *балабола*, *балабоха*, *балакирь*, *балботуха*, *балмотун*, *барабола*, *барабоша*, *барабошка*, *барабуха*, *барабуша*, *барабушка*, *барахлила*, *бароха*, *бахора*, *шалаболка* [10, т. I, с. 110].

Есть основания думать, что исследуемое нами *тарабарка* имеет такую же внутреннюю форму, т.е. образовано от глагола *тарабарить* с семантическим повтором. Смысл такого повтора может быть двояким: либо это древнее звукоподражание, как в описанных выше примерах из древних языков, либо это комическое средство для выражения семантики пустого говорения.

1. Известен перенос названия со слова со значением ‘произведение звуков’ на предмет домашней утвари (напр., *грохот*, *грохотать* ‘произведение звуков’ > ‘сито, решето’). Это обусловлено тем, что большие промышленные решета производят сильный резкий шум. Мы полагаем, что отмеченная в донских говорах семантика сущ. *тарабарка* ‘деревянная решетка’ может быть связана с подобными обстоятельствами *тарабарить* ‘звукопроизводство’ > ‘решето’ > ‘решетка’.

Такая же связь отмечается и в других примерах: лит. *skrebėti, skrēba* ‘шуметь, шуршать, шелестеть’ ~ *skrēbalas* ‘побрякушка, погремушка’ ~ слав. *скребок* ‘различные орудия в домашнем быту и ремеслах’ [19, т. III, с. 656];

лтш. *duđināt* ‘издавать негромкие звуки, тихо разговаривать’ (Там же, т. I, с. 550) ~ *дудка* ‘музыкальный инструмент’ ~ *дудка* ‘рожок у подоюника’ [15, т. VIII, с. 247];

лит. *bambù, bambėti, bambiù, bambti* ‘ворчать’ [19, т. I, с. 226] ~ *бубен* ‘музыкальный инструмент’ ~ *бубен* ‘круглый лубочный короб с кожаным дном’ [15, т. III, с. 232];

стук звукоподражательного происхождения [19, т. III, с. 787] ~ *стукало, стукальце* ‘колотушка у сторожа’ ~ *стукалка* ‘дрягалка, дубинка или палица’ [3, т. IV, с. 584].

Приведем еще одно слово, имеющее конкретно-чувственное значение и подтверждающее семантическую связь между говорением и предметностью:

барабара ‘шалаш в поле; хижина из жердей; жилище бобров’ ← *барабарить* ‘без умолку, быстро говорить, болтать, тараторить’; *барабать* ‘говорить без смысла’; *нести барабару* ‘говорить вздор, чепуху’ [15, т. II, с. 99].

Встречаются и обратные случаи. Так, славянская лексика свидетельствует о возможности развития значения 'болтать' у лексем, обозначающих различные производственные процессы: рус. диал. *бороновать* 'болтать; говорить вздор', *сучить* 'судачить; болтать', *чередить* 'ощипывать перья, пух, теревить; болтать попусту', чеш. *přástvu* 'домашний способ обработки льна и конопли; посиделки; разговор', слов. диал. *trepat'i* 'мять коноплю; болтать' [2, с. 38].

В говорах Забайкалья сущ. *тарабара* со специфической семантикой 'негодная, изношенная вещь, которая больше не пригодится в хозяйстве; лохмотья' заставляет думать, что это лишь заключительный этап семантического развития, истоки же его следует искать в сфере вещественного, поскольку значение 'болтовня' базируется здесь на первичном 'негодная вещь, лохмотья' (ср. также рус. диал. *лабуда* 'рваная, изношенная одежда, хлам, тряпье' и 'пустой разговор, чушь, чепуха') (Там же, с. 37).

2. Труднее вывести таким образом анализируемое нами значение 'подставка из трех палок'. Между тем оно не является случайным, о чем свидетельствуют следующие факты:

тараборка (тараболка) 'колыбель из брусьев, подвешивалась к трем соединенным сверху столбикам':

[*Тараболки вазили ф поля. Тараборку вешали, в ней дитё*] [14, т. III, с. 153, т. I, с. 524];

тарабошка – то же, что *тараболка*:

[*Тарабошка – лехкая люлька, три палки наставят, полагам накроют, и анна висит*];

тарабрыки 'связанные сверху жерди, служащие основой для шалаша':

[*Зделают тарабрыки три-четыре палки, высоки, длинныи, кверху их скрыпляют*] [1, с. 524].

Поскольку предмет, обозначаемый лексемой *тарабарка*, представляет собой очень простое сооружение 'подставка из трех палок', т.е. на его изготовление нужны минимальные технические затраты, мы предполагаем, что его название могло возникнуть в связи со значением пустого говорения (*тарабарить*), также не требующего никаких умственных усилий. Имеются некоторые примеры того, как семантика 'пустого говорения' связана со значением 'хлам'. Напр., сущ. *чушь* имеет значения: 1) 'чуха, чушка, чурка для игры в городки', 2) 'бессодержательная речь', 3) 'пустяк' [19, т. IV, с. 388–389]. Сущ. *ворох* объединяет в себе значения 'шум' и 'хлам' (см. там же, т. I, с. 355: блр. *вóрох* 'шум', польск. *zawroch* 'метель, вихрь' и рус. 'груда, беспорядочная куча'²). Обычно указанные значения объединяют с производными от **vrěšti* 'молотить'. Но по характеру значения целесообразнее связывать *ворох* со звукоподражательным **vor-vor+s*, редуцированная основа которого проявляется в греч. *barbaroj* 'невнятно говорящий', а суффикс **-s-* – в слав. *голос*.

У слов, обозначающих нечто мелкое, незначительное, следует отметить возможность развития значения 'мелочь, мелкие вещи; домашняя утварь'. Ср. ст.-польск. *szczebrzuch, szczebrzuchy* 'домашняя ут-

варь; имущество; приданое невесты', которое считается производным от слабо засвидетельствованного *szczebrу* и сближается с рус. *щебень*. Решающим аргументом в пользу объяснения А. Брюкнера может считаться фиксация польск. *szczebrzuch* еще в одном значении, а именно: 'обломок, осколок' [9, с. 72].

Краткие выводы статьи заключаются в следующем: слова подобного типа (содержащие удвоения) являются очень древними и широко распространенными образованиями. Во многих лексемах, обозначающих бытовые термины, налицо семантический повтор, когда два синонимичных корня, связанных со звукоподражанием, повторяются для усиления значения или происходит редупликация. Подробно разобранная нами история слова *тарабарка* подтверждает эти общие положения.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. – Москва: Астрель, АСТ, 2003. – 608 с.
2. Варбот, Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях / Ж.Ж. Варбот // Этимология 1984. – Москва: Наука, 1986. – С. 33–40.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва: Астрель, АСТ, 2003. – 1144 с.
4. Иванов, Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол / Вяч. Вс Иванов. – Москва: Наука, 1981. – 272 с.
5. Кудрявцев, Ю.С. Морфонология старославянских глаголов IVб класса / Ю.С. Кудрявцев // Труды по русской и славянской филологии. Новая серия V. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2001. – С. 33–54.
6. Кудрявцев, Ю.С. Архаичная лексика в местных староверческих говорах / Ю.С. Кудрявцев // Труды по русской и славянской филологии. Новая серия VI. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. – С. 135–145.
7. Мельничук, А.С. Об одном из важных видов этимологических исследований / А.С. Мельничук // Этимология 1967. – Москва: Наука, 1969. С. 57–67.
8. Минлос, Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках / Ф.Р. Минлос. – Москва: РГБ ОД, 2004. – 184 с.
9. Петлева, И.П. Этимологические заметки по славянской этимологии / И.П. Пелева // Этимология 1994–1996. – Москва: Наука, 1997. – С. 57–72.
10. Псковский областной словарь с историческими данными. – Ленинград (С.-Петербург): Ленинградский университет, 1967–. – 243 с.
11. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск: СО РАН, 1999. – 539 с.
12. Словарь русских говоров Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1979. – 605 с.
13. Словарь русских говоров Прибайкалья. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1989. – Вып. 4. – 143 с.
14. Словарь русских донских говоров. – Ростов: Русские словари. Астрель, АСТ, 1976. – Т. III. – 608 с.
15. Словарь русских народных говоров. – Москва; Ленинград (С.-Петербург): Наука, 1965–. – 306 с.
16. Словарь русского языка XVIII в. – Ленинград (С.-Петербург): Наука, 1984–. – 142 с.
17. Словарь современного русского литературного языка – Москва; Ленинград: АН СССР, 1948–1965. – 1340 с.
18. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П. Я. Черных. – Москва: Русский язык, 1994. – 1182 с.
19. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV. – 827 с.

² Ср. также влгд. *ворохостье* 'ворох дряни, хлама, куча тряпья' [3, т. I, с. 415].

O.G. Yagintseva

THE ETIMOLOGY OF DIALECTIC NOUN *ТАРАБАРКА (TARABARKA)*

The noun *тарабарка* (tarabarka) has ambiguous etymology. In order to bring some clarity, Olga Yagintseva considers reduplication as one of the most productive ways of word formation in various languages. A list of widely distributed ancient lexemes is given.

The author analyses the history of the word in detail, and as a result it is suggested that some semantic repetition of two onomatopoeic synonymous roots is possible in the composition of this word. In order to find out the origin of the lexeme stated in the title, the author considers the noun *тарабарка* in terms of semantics, word formation, and phonetics.

The current work is of practical importance primarily for etymologists, who can use the results and conclusions in their further research, supplementing or disputing them. In addition, starting investigators can use the provided list of lexemes which are formed with the help of reduplication.

Etimology, тарабарка (tarabarka), reduplication, semantic and phonetic analysis.